

Елена Рахманова

Я без тебя
НЕ МОГУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ненавидеть любя

Елена Рахманина

Я без тебя не могу

«Автор»

2019

Рахманина Е.

Я без тебя не могу / Е. Рахманина — «Автор»,
2019 — (Ненавидеть любя)

Когда-то она ненавидела его всей душой, а потом полюбила с той же силой. Когда-то он любил её больше всего на свете, чтобы возненавидеть, как никого и никогда. Теперь, спустя десять лет, судьба вновь их сводит. Он хочет лишь причинять ей боль и наблюдать, как она страдает и мучается, с садистским удовольствием проверяя границы её терпения. Но и она больше не та девочка, которой была. А его оружие - обоюдоострое. Содержит нецензурную брань.

© Рахманина Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. Алена	5
2. Клим	12
3. Алена	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Рахманина

Я без тебя не могу

1. Алена

Настоящее время

– Комарик, ну пожалуйста, я тебя очень прошу, мне больше не к кому обратиться. – Подруга смотрит на меня круглыми и просящими, но такими безгранично лукавыми глазами.

В который уже раз отрицательно качаю головой, делая глоток остывающего кофе и возвращаясь взглядом к статье.

– Нельзя быть такой упрямой, – с притворно обиженным видом произносит Маришка.

Мы познакомились на втором курсе университета, в который я перевелась, вернувшись от сестры. Она была моим первым настоящим другом в чужой для меня Москве, где знакомые у меня оставались только среди спортсменов, с которыми меня больше ничего не связывало.

Марина до сих пор знала обо мне очень мало, но не потому, что я была ей безразлична, а потому, что она уважала мое личное пространство и не задавала лишних вопросов, видя, как я отгораживаюсь от них, ставя ментальную защиту. Я не любила рассказывать о своем прошлом, в частности, о спортивном.

– Не упрямая, Марин. Ты что, серьезно представляешь меня на мероприятиях подобного рода?

– Тебе уже пора покинуть свою зону комфорта – живешь, как анахорет. Если бы я могла сама туда пойти, поверь, так бы и сделала. Но мне мой знакомый помог раздобыть только один пропуск в виде платья сорок второго размера, а у меня, как видишь, только одна грудь сорок второго размера. – И подруга демонстрирует дары природы, от которых все проходящие мужчины сворачивали шею.

Марине не стоило особого труда склонить меня на свою темную сторону, и где-то в глубине души я начала размышлять о том, чтобы пойти на открытие ночного клуба и проследить за тем, как один из приглашенных гостей, светский лев, примерный семьянин, каким его изображают на страницах газет и журналов, предается разврату и пороку за закрытыми дверями элитного заведения.

– Мне нужно закончить статью, – стараюсь не показывать слабинку и глядя в набираемый текст, напоминаю ей.

Она заглядывает в мой ноутбук, изучая содержимое текстового редактора.

– Это та самая статья, про Анатолия Самгина?

Вздрагиваю, слыша эту фамилию. Казалось бы, прошло больше десяти лет, а меня каждый раз пробирает дрожь. Пока собирала о нем материал, старалась максимально абстрагироваться, не думать о том, чей он отец. И вот, стоило Маришке произнести вслух его фамилию, как меня начинает выворачивать наизнанку.

Никогда не забуду тот день, когда прибежала домой к бабушке, рассчитывая застать её там, а обнаружила только оставленную на столе записку от санитаров с адресом дежурной больницы. Она даже не позвонила мне, рассчитывая, что я ни о чем не узнаю, что её выпишут раньше, чем я приду. Вызываю такси и мчусь к ней со страшным предчувствием, что я все упустила – ведь чувствовала, что она болеет, но на каком-то уровне, где интуиция еще не формируется в мысли, даже не допускала предположений, что она не вечна.

Прибегаю в приемный покой, поясняя, кого ищу. Тучная медсестра пренебрежительно смотрит на меня из-под запотевшего лба. Никогда ничего подобного не делала, мне очень

неловко, но я протягиваю ей небольшую наличность, которая у меня с собой, чтобы скорее узнать, что случилось. Она тут же оживает, подставляя карман, и провожает к заведующему отделением.

Бабушку разместили в палате вместе с еще несколькими женщинами разного возраста. Они с секунду смотрели на меня, а потом вернулись к своим занятиям. Бабушка лежит с закрытыми глазами, лицо бледное, худое, рядом капельница отмеряет лекарство, а я прислоняюсь спиной к стене, понимая, что даже слова выговорить не могу, горло сводит. До боли кусаю губы, чтобы не застонать. Она словно почувствовала мое присутствие и с трудом подняла веки. Вижу, как она изо всех сил пытается выглядеть здоровой и как трудно ей это дается, и при мысли о том, что она делала всё, чтобы оградить меня от своей болезни, мне становится еще хуже. Я понимаю, что не должна перед ней плакать, не должна её расстраивать, но ничего не могу с собой поделать. Опускаюсь на краешек её койки.

– Ну что ты реवेशь, моя Аленушка? – Она вытирает сухими пальцами мои мокрые щеки, а я еще больше захожусь в слезах, пока не успокаиваюсь чуть–чуть.

Никакой спортивный характер мне сейчас не помогает. Рядом с ней я лишь напуганная маленькая девочка.

– Бабуль, почему ты не сказала, что болеешь?

Врач назвал какой–то жуткий диагноз, который я даже запомнить была не в состоянии, объяснил, что в России ей ничем не помогут и остается только дожидаться, пока рак её не съест.

Доктор в мятом, некогда белом халате был такой отстраненный, безразличный, ему все равно, что я теряю самого близкого человека. Пыталась выспросить у него, где, если не в России, проведут лечение, но он и на этот вопрос мне не ответил.

На мой вопрос бабушка лишь махнула рукой, словно уже попрощалась с жизнью даже без борьбы.

– Алена, меня скоро не станет, и я не хочу, чтобы ты оставалась одна. Твоя сестра очень далеко, а тебе необходима поддержка. Прошу тебя, берегите с Климом друг друга.

– Я не позволю тебе умереть, бабуль, – по–детски упрямо заверяю её, теперь понимая, почему она никогда не возражала против моих отношений с молодым человеком. Не знаю, болела она тогда, когда он появился в моей жизни, или каким–то шестым чувством предвидела беду.

Приехав домой, я сразу же набрала сестру по скайпу, выслав ей фотографию с диагнозом, который бабушке поставили в Москве, куда она навевывалась, говоря мне, что ездит навестить родственников. Должно быть, узнав, что в России ей ничем не помогут, она сдалась. А я не могла сдаться, не могла так её отпустить.

Мы с сестрой сразу же нашли клиники, куда её готовы были принять на лечение, но нас обеих сбил с ног счет, который нам выставили. Во всех больницах суммы были астрономические. Госпитализация, операция, пребывание в стационаре.

– Лё, я что–нибудь придумаю, – успокаивала меня старшая сестра, – мы найдем деньги.

Но я в этом сомневалась: Лада, хоть и хорошо жила, но миллионов не зарабатывала.

Несколько дней я не могла ни спать, ни есть, направляя запросы во все благотворительные фонды, которые собирали деньги для раковых больных. Конечно, открыто мне об этом не заявляли, но все равно было очевидно, что они не намерены оказывать финансовую поддержку женщине в возрасте, им куда интереснее было помогать тем, у кого еще не прожита большая часть жизни. Оставшиеся организации собрали наши данные и сказали, что поставят в очередь. Только мы знали, что у нас нет времени ждать помощи.

Я пыталась оформить квоту на лечение за границей ввиду отсутствия соответствующей технологии лечения её вида рака. С помощью знакомых Данилевского нам быстро дали ответ на обращение. Правда, он был отрицательным, с направлением на лечение в одну из московских клиник. Умирать.

События разворачивались стремительно. Чем больше я узнавала о поставленном диагнозе, тем отчетливее понимала, что времени почти не осталось. Если бы моя упрямая Антонина Николаевна вовремя все рассказала, не скрывала, то шансов на успешное лечение было бы куда больше. Бабушка буквально таяла на моих глазах. Казалось, если я немедленно что-нибудь не предприму, то завтра, придя её навестить, увижу на больничной койке только её ночную сорочку.

Клим не знал о болезни бабушки. Когда её забрала «скорая», он только уехал: сначала – к отцу, а потом – разбираться со своими делами, о которых по-прежнему не распространялся. Когда я узнала о страшном диагнозе, все иные эмоции и чувства отошли на второй план. Главной и единственной мыслью было изыскать средства на лечение. В этот период я забросила тренировки и учебу и прервала все контакты с внешним миром, не связанные с текущей задачей. Это – часть моего характера: если у меня появляется проблема, я должна её решить и не успокоюсь, пока не решу.

Должно быть, сам Клим был очень занят, потому что писал и звонил редко. Я отвечала на его сообщения, пытаясь создавать видимость того, что моя жизнь не рухнет, но эсэмэски все равно получались безжизненными, а диалоги – сухими.

Первой мыслью было поговорить с ним, рассказать о том, что творится в моей жизни, мне требовалась его поддержка и защита в это страшное время. Рядом не было никого, кто бы мог просто обнять меня, успокоить, сказать, что все наладится. Я даже плакать не могла, не имела права быть сейчас слабой, но меня трясло изнутри от переживаемого в одиночку страха.

Может быть, он бы что-то придумал, нашел денег, но я боялась. Понимала, что своих средств в таком размере у него быть не должно: он разорвал общение с отцом, и я не сомневалась, что лишился и его финансовой поддержки.

Знала, что нужно делать и кто может точно помочь с деньгами. Чтобы принять это решение и его последствия, мне пришлось отключить все эмоции и, подобно шизофренику, расщепить себя на две части, одну из которых я просто закопала в глубинах сознания.

Я отдавала себе отчет в том, что мне будет невыносимо плохо, что я буду умирать и погибать, но не видела какого-либо другого способа помочь бабушке. Её положение не было безвыходным, просто ей требовалось лечение, а я могла ей его организовать. И если Клим будет знать о состоянии бабушки, я уже не смогу обратиться к его отцу, ведь тому нужно было, чтобы я бросила Клима, а Клим мне просто не поверит, и тогда денег на лечение я не получу.

Ставить на чашу весов любовь к Климу и любовь к бабушке было невозможно, ведь это совершенно разные чувства, но если я оставлю Клима, как этого хотел его отец, то он будет жить – пусть вдали от меня, пусть полюбит когда-нибудь другую, хотя от одной мысли об этом мне хотелось выплюнуть все свои внутренние органы и снять с себя кожу. Но если я этого не сделаю, моя бабушка умрет.

В тот день, когда я узнала о заболевании бабушки и на мои плечи свалилась проблема её лечения, я навсегда попрощалась с детством.

Анатолий Самгин словно предвидел, что он мне еще понадобится. Набрала его номер, выгравированный на черной визитке, которую нашла в куртке, и он ответил буквально через два гудка.

Он назначил мне встречу в своем офисе в Москве, заверив, что с его сыном я не пересекусь, и вечером я уже отправилась на поезде из города N.

Он пригласил меня обсудить нашу щепетильную тему за обедом в ресторане своего бизнес-центра, где каждый, кто встречался нам на пути, смотрел в его сторону с трепетом и страхом.

– Ну что, Алена Александровна, вот мы и снова встретились. – Вновь этот тон – заинтересованный, любезный, человечный, будто он видит во мне живое существо, а не пылинку на пиджаке.

– Мне нужны деньги.

У меня не было сил играть в его игры. Это явно читалось на моем измученном лице. Я заметно похудела за последние дни и выглядела гораздо хуже, чем после того, как меня выписали из отделения травматологии на костылях.

От его взгляда не ускользнули отпечатавшиеся на моем лице следы бессонных ночей, но никаких вопросов он не задавал. А мне казалось, что, возможно, он даже знает причину, по которой я вдруг передумала и обратилась к нему.

Официант принес еду, заказанную для меня Анатолием Борисовичем, но я к ней не собиралась притрагиваться, наблюдая, как мужчина напротив поглощает свой обед, а потом аккуратно вытирает уголки губ салфеткой.

– О какой сумме идет речь? – Он откладывает салфетку и устремляет на меня цепкий взгляд дельца.

Озвучиваю итоговую стоимость всех расходов на лечение бабушки в готовой принять её клинике во Флориде, где жила сестра, и жду отказа, потому что размер требуемых средств был баснословным, а для моей семьи и вовсе неподъемным. Но Анатолий Самгин даже не полюбопытствовал, для чего мне нужна такая сумма. Ему это было не интересно.

– Ты же понимаешь, что условия нашего сотрудничества теперь изменятся?

Нет, я не понимала. Не понимала до того самого момента, пока за наш столик не подсел Максим, а Анатолий Борисович не сказал, что друг его сына поможет мне сделать так, чтобы у Клима больше никогда не возникло желания меня видеть.

До этого разговора я еще лелеяла какую-то надежду на то, что когда-нибудь смогу найти Клима и объяснить ему свой поступок, но с каждой минутой эта эфемерная надежда таяла всё больше.

– А это тебе нужно будет подписать, – протягивая мне стопку документов, оказавшихся договором займа, говорит Самгин–старший.

Смотрю на него непонимающим взглядом.

– Ты же не рассчитывала, что я поверю тебе на слово?

Откровенно говоря, я вообще не знала, как это будет происходить, не хотела об этом думать, а меньше всего – о том, каким будет объяснение с Климом.

– Что это?

– Ничего особенного. Мы подпишем договор займа с процентами на пятнадцать лет, начало исполнения обязательств с твоей стороны еще не скоро, не переживай. Но если ты будешь хорошо себя вести, обещаю его уничтожить.

Это ощущение, что я собираюсь заключать сделку с дьяволом, усиливалось с каждым мгновением. А я по сравнению с ним всего лишь девчонка, глупая и наивная. Пролистала договор, не поняв в нем ни слова.

– У кого будет храниться договор? И как я узнаю, что он уничтожен?

Должно быть, он считал меня полной идиоткой, потому что я замечаю на его лице выражение удивления.

– Тыознакомишься и подпишешь договор, а после того, как разберешься с моим сыном, я переведу на твой счет деньги. При тебе мы депонируем договор в сейфовую ячейку, к которой будем иметь совместный доступ, и через год свяжешься со мной, мы встретимся и вскроем сейф. Тебе останется только правильно поступить. Если Клим не вернется в семью, то ты все потеряешь.

«Не вернется в семью». Что это значит? Голова плохо соображала от усталости и изнеможения. Все остальное звучало почти логично и ожидаемо от такого человека, как Самгин. Только эти слова о том, что я должна сделать с его сыном, резали слух.

Факт подписания договора меня очень смущал, я сознавала, что он загоняет меня в ловушку, играя со мной, как жирный ленивый кот с маленькой испуганной мышкой.

– Откуда мне знать, что я получу деньги, а вы меня не обманете?

– Придется рискнуть.

Я отрицательно качаю головой, отлично понимая, что сейчас нахожусь в самом невыгодном положении.

– Нет, сегодня я подпишу договор и получу деньги до разговора с Климом, и сегодня мы положим его в ячейку.

Мы смотрим другу в глаза, наверное, целую минуту. Ожидая, что сейчас он мне откажет, но вместо этого он вдруг начинает смеяться, качая головой.

– А ты умница, девочка, не ожидал. Учись, Максим, как надо дела вести. Подпишешь договор и получишь свои деньги.

Анатолий Борисович совершил при мне звонок своему юристу, отдав распоряжение внести нужную сумму в договор в долларах США, с возвратом через девять лет. Юрист, высокий мужчина в идеально скроенном костюме, присел за наш столик, с которого уже убрали еду, и передал мне и своему руководителю по экземпляру договора займа.

– Денежные средства будут переведены на ваш счет сегодня в рублях, в сумме, эквивалентной той, что указана в договоре, – деловым тоном поясняет мне юрист. – Назначение платежа указано не будет, поэтому, если вам будет прощен долг, оснований для взыскания не будет, но при этом платежное поручение будет для Анатолия Борисовича достаточным основанием для возврата вами займа при нарушении достигнутых договоренностей.

Его слова перемешались в моей голове в кашу.

– Но если мы уничтожим договор, что тогда? – Я смотрю на юриста с надеждой, что он хотя бы что-то мне объяснит.

Они переглядываются между собой, и, получив согласие на ответ, юрист разъясняет:

– Если договор будет уничтожен, то мы новимуем обязательство в дар.

Хватаюсь за голову, окончательно запутываясь. По черепной коробке будто муравьи ползают от того, как я сильно напрягаю серое вещество в мозгу.

– Объясни девочке человеческим языком, – разрешает Самгин, и в его голосе слышится раздражение.

– Вам простят долг, это возможно. При отсутствии договора займа обязательство будет квалифицировано как дарение.

На этом Анатолий Борисович попрощался со мной, сообщив мне время и место встречи в банке, и оставил наедине с Максимом. Я смотрела на парня, и до меня начало доходить.

– Ты все это время доносил на Клима его отцу?

Моя догадка явно задела Максима за живое, лицо его исказилось злой гримасой, и от того парня, которого я когда-то встретила в квартире Клима, ни осталось и следа.

– И чем же я хуже, чем ты? Тебе нужны деньги, и мне нужны деньги.

Действительно. Я закрыла лицо руками, думая о том, что делаю с Климом, что в его жизни не осталось близких людей, которые бы его не предали и не продали. Сейчас я поняла, что никого и никогда я так сильно не ненавидела, как саму себя.

Максим стал рассказывать, что его семья последнее время претерпевает финансовые трудности, и тут появляется добрый самаритянин в лице Анатолия Борисовича и предлагает за определенную информацию о собственном отпрыске решить все его проблемы. Вроде, ничего такого: подумаешь, рассказывать отцу о сыне. Подозреваю, что Максим поначалу именно так успокаивал свою совесть. Но, должно быть, с каждым доносом приходило понимание, что все, что он передает отцу лучшего друга, играет сильно против последнего.

Примеряя этот поступок на себя, я почти физически ощущала, как его гложет чувство вины, но он не признается в этом, и от угрызений совести, с которыми, в силу своей слабости, он не способен справиться, из него вылезает наружу все плохое, что в нем было.

Должно быть, он прочитал в моем взгляде жалость, и она его уколола сильнее обвинений.

– Что, считаешь, что твой Клим идеальный?

– Нет, – едва слышно отвечаю я, понимая, что он на этом не остановится.

– Чтобы оправдать собственное существование в глазах отца, он контролировал трафик наркотиков с юга России. Как тебе такое?

Сейчас я испытывала такую горечь от того, что теряю любимого, что мне вдруг стали совершенно безразличны его пороки. Кажется, будь он наемным убийцей, я все равно любила бы его с той же силой. Как сказал тогда Клим, это их выбор. Я не оправдываю его, просто мне все равно, каких демонов он прячет, я люблю их всех. Если нужно разделить с ним его грехи, я разделю.

– Зачем ты здесь? – устало спрашиваю я, действительно не понимая, к чему он тут и о какой помощи идет речь.

Максим откидывается на спинку стула и внимательным взглядом изучает меня.

– Ты же знаешь, что он тебя просто так не отпустит.

Сомкнула веки, не желая показывать все оттенки своей боли.

– С чего ты это взял? – Мне действительно нужно было услышать ответ на этот вопрос. Потому что я пока сама не представляла, как отпустить любимого.

– Видел, что происходило с ним, когда ты его бросила. Вы оба почти заставили меня поверить, что любовь существует. Если скажешь, что ты снова решила уйти от него, он просто запрет тебя где-нибудь и не будет выпускать на свет, пока не передумаешь.

Он говорит, а меня тошнит, хотя желудок пуст – не помню, когда ела. Впрочем, вероятно, это от самой себя. Мне больно. Мне плохо. Мне невыносимо, и хочется только подохнуть прямо здесь и сейчас.

В памяти всплыл тот день на парковке, когда Максим напился, и я начинаю понимать, что его, должно быть, так же крутило от собственного предательства, как сейчас меня. Только я это осознаю, а он искал ответы в бутылке.

– И что ты предлагаешь? – интересуюсь я, не желая больше смотреть на такое же ничтожество, как и я сама.

– Клим отпустит тебя, только если ты ему изменишь.

Он произносит эти слова, а смысл до меня не доходит. Смотрю на него удивленно.

– Он должен застать нас в постели и решить, что ты ему изменила, – поясняет он мне, словно умственно отсталой.

Я так резко поднялась из-за стола, что столовые приборы попадали на пол, и побежала в сторону туалетов. Согнулась над раковиной, пытаясь справиться с рвотными позывами, пока какая-то женщина мыла рядом руки.

– Девушка, вам плохо? – участливо спрашивает она, а я качаю головой, мечтая, чтобы она скорее оставила меня одну.

Умылась кое-как холодной водой, продолжая висеть над раковиной. Это какой-то дикий и страшный кошмар. Только не могу понять, как я в него попала.

Немного придя в себя, вышла из уборной и вернулась за стол, где меня ожидал Максим. Посмотрел на меня, и я искала где-то в его лице признаки сострадания, но не находила. Я была ему совершенно безразлична.

– Сама подумай, – продолжил он как ни в чем не бывало, – у тебя есть еще какие-то варианты?

Не могла я думать в этом направлении! Не представляла, как могу совершить нечто подобное. Но действительно, отпустит ли меня Клим, если я просто скажу ему, что ухожу? С

болью вспомнила наш разговор во Франции, когда он сказал, что если оставлю его еще раз, то этот раз будет последним. Я подумаю об этом потом, поплачу о нем потом. Умру по нему потом.

Мы спланировали все так, чтобы Клим решил, что у нас действительно был секс. Отец Клима следил за ним, и мы знали, что сейчас он уже должен быть в городе.

Мне было невероятно противно раздеваться перед Максимом, и, к своему ужасу, я увидела, что он возбужден. Не знаю, правда, от чего – от того, что я обнажилась, или его будоражила опасная ситуация, ведь он должен был представлять, что Клим может с ним сделать.

В какой-то момент он скривил губы и предложил не играть, раз уж наказание будет реальным. Мое лицо, должно быть, исказилось такой гримасой отвращения, что он от злости больно схватил меня за волосы, марая меня своими губами, а я в панике пыталась увернуться, думая только о том, что Клим уже где-то рядом и он скоро меня убьет.

Самгин поднял его с меня, и я сползла на пол, желая провалиться сквозь землю, а лучше сразу превратиться в труп. Слышу, как он избивает Максима, и не испытываю к нему жалости. Мне так дико больно, что я предпочла бы сама оказаться сейчас на месте Максима. Лучше бы он из меня так душу вытряс, может, мне было бы за что его не любить. А пока я люблю его за все. Люблю так сильно, что боюсь увидеть его лицо и понять, что это конец, что он больше никогда не захочет меня, что он больше никогда не будет меня любить, что он никогда не будет смотреть на меня, как прежде.

И я увидела это в его глазах.

Закрываю ноутбук от любопытных глаз подруги.

– Да, она самая. Планирую на днях сдать ее редактору.

Маришка недовольно качает головой.

– Все же ты самая отчаянная из всех моих знакомых.

Пожимаю плечами.

– Я ведь не под своим именем пишу, для всех я Данила Назаров.

– Тоже мне! Думаешь, одна такая умная? Неужели веришь, что объекты твоих расследований не смогут добраться до тебя?

– Нет. Ну что они мне сделают? Подбросят наркотики?

– Это уже не актуально, дорогая. Выкинут в Москву-реку, и ищи потом рыжую девочку на берегу.

Марина была права: я рисковала. Постоянно ходила по краю, в надежде, что в какой-то момент вновь почувствую тягу к жизни, и даже то, что меня могут убить, меня не пугало. Время от времени мне в редакцию приходили угрозы от анонима, но я не воспринимала их всерьез, подозревая, что какой-то не очень здоровый индивид так развлекается.

Тем не менее, мои журналистские расследования с каждым разом становились все острее, а их объекты – опаснее; я словно прощупывала почву, ходя по грани.

– Кстати, вернемся к нашим баранам: я слышала, что Самгин-младший...

Я тут же останавливаю подругу, поднимая вверх руку, давая понять, что не хочу ничего слышать. Она понятия не имела о том, почему для статьи мною в качестве жертвы выбран Анатолий Самгин, и уж тем более о моих отношениях с его сыном ей было не известно.

Знала, что Клим не появлялся в России порядка десяти лет. Одергивала себя каждый раз, когда мне вдруг попадалась информация о нем, не желая ничего читать: это был бы чистый мазохизм – наблюдать за ним издалека, следить за его отношениями, за тем, как он меняется с годами. Это бы добило меня окончательно. Я была мертва для него, и мне ничего не оставалось, как похоронить его для себя.

2. Клим

Странно было спускаться с трапа на землю, по которой не ступал десять лет. Страна другая, этот город другой, да и я уже не такой, как прежде. За окном мелькают лощенные улицы, модно одетые молодые люди, любопытные туристы и нескончаемые «пробки» буднего дня. Один мимолетный взгляд в окно автомобиля, чтобы вновь вернуть его к изучению документов на лэптопе.

У меня остались должники в этой стране, и я хотел забрать то, что должно принадлежать мне. И больше других мне задолжал мой отец. Он еще не знает, кто стоит за его падением, кто выкупил все его крупные и интересные задолженности; за мной всегда стояли мои поверенные в России для такого рода сделок.

Сам же он, видя, в каком упадке находится его эфемерная империя, решил объявить себя и свои фирмы несостоятельными, начав процедуру банкротства, и скрылся в неизвестном направлении с остатками средств, которые позволят ему жить некоторое время, ни в чем себе не отказывая. Но я не желал ему такой участи. Я желал его возвращения и искупления грехов. Когда-то я выполнял его приказы и прихоти, находясь в зависимости от него – сначала моральной, а потом только финансовой. Теперь мне нужно было, чтобы он попал под мой тотальный контроль.

После того как я покинул Россию и отчий дом, он многократно пытался ставить мне палки в колеса в любом из намечающихся стартапов. Со временем я понял, что лучше вести бизнес не от своего лица, заматывая следы. А потом его ресурсы закончились, как я и полагал, власть в стране менялась, и его силы постепенно иссякли. У него больше не было сил бороться со мной.

Мои размышления прервал телефонный звонок, на экране высветился контакт давнего товарища, а по совместительству – делового партнера.

– Самгин, наконец-то ты вернулся в Москву! – слышу радостный баритон Ильдуса на том конце провода.

– Здравствуй, друг, пришло время, – коротко приветствую его, не разделяя радости от своего местонахождения.

– Раз ты тут, хочу, чтобы ты все-таки посмотрел на результат нашего сотрудничества. Завтра открывается мой новый ночной клуб, и я жду тебя.

Надо было некоторое время оставаться инкогнито, но в городе, где в определенных кругах каждый друг друга знает, это крайне проблематично, меня заметили еще в аэропорту.

Поначалу я не собирался принимать приглашение товарища, но что-то меня будто тянуло туда. Явно не любопытство, я давно уже его не испытываю.

Заведение располагалось в центре Москвы. Первое, что видят гости, переступая его территорию, – внутренний дворик, устланный яркими цветами, с мягкими диванчиками для тех, кто любит перекурить на свежем воздухе. Всё вокруг заполнено обладателями платиновых карт этого города, потягивающих спиртные напитки и вдыхающих сигаретный дым.

От старого кирпичного дома остались лишь внешние стены, все остальное стараниями архитекторов было уничтожено и реконструировано, а крыша замощена витражными стеклами, через которые можно было бы рассматривать звезды. Но кто видел их в Москве?

Убранство заведения восхищало даже искушенного и пресыщенного московского зрителя. На специальных крепежных конструкциях подвешены кованые клетки для экзотических птичек. Дверь клетки закрывается, танцовщица оказывается запертой в ней, и тогда конструкция поднимает клетку в воздух, оставляя металлический шнур почти неразличимым в полумрачном помещении, освещаемом прожекторами. Казалось, клетки с девушками парят в воз-

духе, а тела извивающихся внутри них созданий притягивают взгляды, словно сирены, манят на свои тела мужчин и женщин.

Когда я пришел, вечер уже был в разгаре. Вокруг – множество знакомых людей, с которыми мне не хочется общаться, и Ильдус провожает меня в отдельную ложу, с возвышения которой видно всё и вся, а я при этом остаюсь в тени. Я оценил такую заботу хозяина этого злачного места, который знал мою любовь к уединению.

Такого рода развлечения перестали привлекать меня много лет назад. Музыка, шум толпы вокруг, чтобы заглушить голоса в голове и заполнить пустоту в душе. Я понял, что меня всё это не спасает. Помогала работа. Много работы. Мысли все время были чем–то заняты, и я не оставлял себе времени на воспоминания.

Мой взгляд то и дело возвращается к одной из клеток. Лучи прожекторов разрезают наряд танцовщицы насквозь, демонстрируя, что под её почти просвечивающим платьем, кажется, ничего нет, кроме изумительного тела. Впрочем, в подобные наряды были облачены все запертые за коваными решетками девушки со спрятанными под масками лицами. Я рассматривал их, но в итоге все равно мои глаза упирались в ту, чьи волосы в свете огней ночного клуба отливали красным.

Она двигалась не так, как другие. То, как она поворачивала голову, взмахивала волосами, водила бедрами в такт музыке, казалось до боли знакомым. Но нет, это не может быть она! Это невозможно! Смотрю на нее и понимаю, что это всего лишь обман зрения, галлюцинация утомленного разума. Сколько раз в толпе я замечал рыжие локоны, и мой пульс учащался, а ноги сами несли искать её! И вот сейчас то же самое.

Наблюдаю за ней со своего балкона, замечая голодные взгляды мужчин, направленные в её сторону, и даже вижу, что один из секьюрити заведения оказывает ей излишнее внимание, когда клетка опускается и она покидает её на пару минут, чтобы отдохнуть и выпить воды у бара. В сигналах тела, обращенных к мужчине, не считываю флирт, скорее наоборот, ей не нравится, что он ступает за ней по пятам. Поэтому, быстро выпив воды, поданной барменом, она возвращается обратно в свое заточение, чтобы продолжить соблазнять зрителей своим гибким телом.

Подзываю Ильдуса и интересуюсь, можно ли пригласить девушку в мою ложу.

— Самгин, ну честное слово, не на стриптиз–клуб же я у тебя деньги брал!

Смотрю на него выразительно, давая понять, что не шучу.

– Только в том случае, если она сама захочет.

Я наблюдаю, как к танцовщице подходит Ильдус и объясняет ей что–то. Даже отсюда вижу, как она напрягается. Сначала смотрит на охранника, а потом оборачивается в мою сторону, с секунду не отрывая взгляда от моей фигуры в тени, так что мне начинает казаться, что она способна меня рассмотреть. Кивает Ильдусу.

Внутри меня нарастает предвкушение того, что я сейчас смогу рассмотреть эту диковинную «птичку» вблизи. Она медленно поднимается по лестнице. Сначала в поле моего зрения появляется её рыжая макушка, а потом – кожаная маска и алые губы, худенькие плечи, тонкие ключицы, из которых можно пить воду, полушария груди в глубоком вырезе платья и идеальной формы ноги, облаченные в туфли на высокой шпильке. Белая кожа девушки в тусклом мерцании ламп ложи отливает серебром. Её откровенное платье из металлического кольчужного материала уже не кажется таким вызывающим, когда не пробивается светом прожекторов, подсказывая очертания тела.

Нет, это не она. Эта девушка чуть выше, грудь больше, фигура похожа, но все же другая. Её губы накрашены яркой помадой, а за тенью, бросаемой маской, я не могу рассмотреть глаз.

Танцовщица стоит, не двигаясь с места, позволяя на себя пялиться, – должно быть, привыкла к постоянному вниманию мужчин.

– Станцуй для меня, – прошу, не приказываю.

Музыка здесь не та, под которую я бы хотел увидеть её танец, – слишком агрессивная, но девушка умудряется и в ней расслышать мелодичность, завораживая своими движениями. Она гипнотизирует меня томными медленными покачиваниями бедер, тонкими руками, которыми затягивает невидимое лассо на моей шее и тянет к себе. Мне хочется уложить её на спину прямо здесь, задрать платье, проверить наличие трусиков под ним и трахнуть очередную «птичку» на одну ночь.

Танцовщица запрокидывает голову, открывая вид на красивую шею. Рыжие волосы падают на лицо, ласкают плечи, перед тем как вернуться на спину. Её рука скользит вдоль тела, задевая пальчиками глубокий вырез на груди, показывая чуть больше, чем положено, но меньше, чем я хочу увидеть. Чувствую напряжение в паху. Сажусь, положив локти на колени, подаваясь корпусом вперед. Интересно, насколько «птичка» легкомысленна?

Она опускается на корточки, но не разводит колени, а уводит их в сторону, оставляя сведенными, и так вновь поднимается, проводит руками по ногам, захватывая края платья, чтобы поднять его вверх, в очередной раз лишая меня возможности узнать, есть под её нарядом белье или нет, в последний момент разжимая пальцы.

Я непроизвольно облизываю губы, испытывая мучительный голод и дикую жажду. Давно со мной такого не было. Никогда танцовщицы в клубах не удерживали мой взгляд дольше чем на пару минут. Я не был ценителем продажной любви «ночных бабочек» и не верил, что девушка, способная так двигаться, наделенная даром соблазнить любого, кто её видит, не использует свое тело как товар.

Танцовщица останавливается, когда композиция подходит к концу. Не вижу её глаз, но чувствую, что она смотрит на меня и решает, как поступить дальше. Делает по направлению ко мне несколько шагов в этих туфлях на длинной шпильке, способной пробить моё сердце насквозь – по крайней мере, на эту ночь.

Девушка замирает на расстоянии вытянутой руки от меня и изучает с высоты своих каблуков. Опускаю ладони на её ноги, скользя пальцами по шелку кожи от колен и выше по бедрам, останавливая руки там, где начинается короткое платье. Словно читая мои мысли, она садится на меня, разводя колени, и сжимает пальчиками мои плечи, а я продолжаю путь дальше под платье до самых ягодич. Нащупываю тонкую полоску стрингов – все же белье имеется.

Несмотря на это место, её род деятельности, танцовщица пахнет божественно, словно летний день после дождя в Раю. Я глубоко втягиваю в легкие её аромат, дурея, как наркоман; чувствую, что опьянен ею, напоен приворотным зельем.

Её руки поднимаются с моих плеч к шее, и когда она касается обнаженного участка моей кожи, я ощущаю ток от нашего соприкосновения. А затем девушка делает нечто необычное: изучает мое лицо подушечками пальцев, словно слепая, проводит, едва касаясь, по лбу, носу, щекам, огибает контур губ и небритый подбородок.

Я прикрываю глаза, ощущая собственной кожей, что её ладони и пальцы гладкие, на них нет мозолей, и эта мысль приносит одновременно и облегчение, и разочарование. Она зарывается пальцами в волосы и приближается к моему рту, с явным намерением получить поцелуй.

Вижу её в первый раз в жизни и даже не знаю, как она выглядит под этой маской, но меня пронзает какая-то жгучая ревность, выжигающая кислотой всё нутро. Эмоция, которую я последний раз испытывал только в этой стране. Мое воображение рисует правдоподобную картину того, как эта птичка так себя ведет с каждым, кто её поманит, танцует для него, касается его и этими же губами целует.

Сжимаю её шею, останавливая, хотя сам невыносимо хочу узнать, какая она на вкус.

– Я не целуюсь со шлюхами. – Провожу большим пальцем по её рту, размазывая по щеке красную помаду.

Чувствую, как она замирает, напрягается, кажется, даже перестает дышать.

– А что ты делаешь со шлюхами? – преодолев моё сопротивление и приблизив губы к уху, тихо спрашивает она, заводя меня сильнее.

Сжимаю её ягодицы, желая оставить на них следы, и поддеваю тонкую полоску трусиков, прокладывая пальцем по ней путь туда, где уже мокро и горячо. Она тяжело выдыхает, когда я касаюсь ее промежности, прикусывая нижнюю губу, так что я вновь испытываю сожаление от кинутых слов.

– Я их трахаю, – отвечаю на вопрос, отодвигая трусики и проникая в неё двумя пальцами.

Она вся подается навстречу этим движениям, будто ей больно от того, что я не до конца в ней, и хочется продолжения. Её тело так чувственно и отзывчиво, что моя ширинка вот-вот порвется. Скольжу внутри её тугой плоти, удивляясь тому, как плотно она сжимает мои пальцы, и ласкаю напряженный клитор, слыша срывающиеся с её губ стоны. Мне нестерпимо хочется войти в неё членом, но она сжимает моё запястье, не разрешая прекратить, и, похоже, очень близка к тому, чтобы кончить. После нескольких поступательных движений её тело сводит судорога, и она позволяет мне выйти из неё. Обхватывает мою руку, подносит мои пальцы, которые только что были в ней, к своему лицу и берёт их в рот, как если бы это был член. Я замороженно смотрю, как её губы скользят, собирая свою влагу, она облизывает их розовым острым языком, как эскимо, и моё воображение тут же продолжает рисовать эту картинку с совершенно другим предметом в её рту.

Она наклоняется ко мне, как кошка, соскучившаяся по хозяину, трется затаенной в маску щечкой о мою щетину, опутывая меня своим запахом, и мягко произносит:

– А я не трахаюсь с козлами.

Вижу на её губах улыбку, когда она возвращает трусики на место и встает с меня.

Вся кровь отлила к паху, и я не сразу соображаю, что она сбегает от меня, оставив в таком состоянии. Нет, она не бежит, а спокойно покидает ложу, стуча каблуками по полу. Выходить из ВИП-зоны с членом на двенадцать тоже не вариант. Блядь, сучка! Найду и оттрахаю во все щели!

Вызываю начальника своей охраны и прошу его проследить, куда она пойдет. Он кивает и передает это распоряжение другому, и я вижу по его лицу, что он хочет мне что-то сообщить.

— Шеф, дело в том, что я видел, как этой девушке что-то подсыпали в напиток, который она пила.

– Кто?

Ничего не понимаю.

– Я попрошу у местных видеозапись с камер и узнаю.

– Узнайте, что именно ей подсыпали. И, главное, кто она и где живет.

3. Алена

Я вбегаю в гримерную, и на меня обрушивается щебетание девушек, обсуждавших гостей вечера, и вдыхаю смесь запахов их духов с преобладающими тяжелыми восточными нотами. Они оборачиваются ко мне, оценивая мой взбудораженный вид, зная, что я была в ВИП-зоне, и им было бы крайне любопытно услышать рассказ от первого лица, а не от официантки, которая обслуживала Самгина и видела меня у него на коленях.

Но мне плевать на их мнение, я подхожу к зеркалу, изучая нанесенный Климом ущерб. Вид у меня действительно такой, как у девушки с низкой социальной ответственностью: платье такое маленькое, что скорее обнажает, нежели прикрывает моё тело, и пока я не увидела, как в таких же выглядят другие танцовщицы, не подозревала, что при свете прожекторов наряд становится прозрачным. Яркий макияж и маска завершали образ особы, готовой на всё, и я отработала эту карму сегодня по полной.

Кое-как пытаюсь стереть помаду, но она так въелась в кожу, что я лишь больше размазываю её по лицу. Руки дрожат от пережитого оргазма и зашкаливающего адреналина в крови. Бросаю это бесполезное занятие, понимая, что мне нужно как можно скорее отсюда убраться, поэтому накидываю на плечи пиджак, забираю свою сумку и прощаюсь с танцовщицами. Только маску оставляю: слишком опасно показывать лицо.

Мои мысли до сих пор какие-то заторможенные, подернутые дымкой, и осознание того, что произошло, пока не укладывается в голове, но отчего-то я чувствую себя совершенно счастливой и готовой приходить сюда каждый день, если мне будет предоставлена возможность еще раз так же оседлать Клима.

Была уже почти на воле, когда на выходе меня поймал тот докучливый секьюрити, который весь вечер пытался клеиться ко мне. Он подошел ко мне сразу после того, как я пришла в заведение, и нагло заявил, что знает всех девочек, работающих в заведениях Ильдуса, а меня видит в первый раз. И по тому, как он произносил это, я поняла, что знает он их очень близко. Когда я представила, в каком направлении может работать его фантазия, меня передернуло от отвращения.

Поддавшись на уговоры Марины, я понятия не имела, на что иду. Она сказала, что мне нужно будет надеть платье и танцевать, а когда появится возможность, сбежать и отыскать Андрея Самойлова, который, по её сведениям, должен был прийти на открытие этого клуба со своей любовницей. Маришка специализировалась на том, что собирала информацию о мужчинах, которые изменяют своим женам, имея в прессе репутацию примерных семьянинов, и доводит её до сведения общественности. Это не было её хобби, она на этом неплохо зарабатывала.

Только вот подруга не учла, что меня никто из этой клетки, кроме как попить и в туалет, не выпустит. Да и грязные намеки охранника вызывали неприятную дрожь. Танцевать было не самой большой проблемой, хотя к таким выкрутасам, которые выделяли профессиональные танцовщицы, я морально не была готова. Спортивная гимнастика предполагает не только силовые упражнения. В рамках подготовки я множество часов посвятила балету, посещала танцевальные студии, поэтому попробовала перенять их па. Не была уверена, что делаю это достойно, но я здесь не за этим.

Попив воды, я вновь вернулась в клетку, но что-то изменилось во мне. Танцуя, постоянно чувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд. Он исходил из ВИП-зоны уровнем выше. Я не видела того, кто смотрит на меня, но хорошо ощущала. Странная бредовая мысль закрадась в голову, мне вдруг захотелось танцевать именно для обладателя этих глаз. На какое-то мгновение я забыла, зачем нахожусь здесь, просто слушала музыку и отдавалась ей, позволяя

мелодии вести мое тело в танце, отрешившись от того, кем я была на самом деле – скромной журналисткой, не любившей ночные клубы.

Мои мысли вдруг стали вязкими, тягучими, а в животе закрутилась тугой спиралью нарастающая похоть. Несколько раз я останавливалась, понимая, что со мной что-то не так, мои трусики промокли от горячего желания немедленно заняться сексом, между ног просто пекло. Я бросила взгляд на секьюрити, который следил за мной, стоя неподалеку от моей танцевальной зоны, хотя в его обязанности это не входило. Мне вдруг показалось, что мое состояние может быть как-то с ним связано. Черт! Мне так нужно было кончить, но я совсем себе не доверяла. Сознание затуманилось, а телом владела единственная потребность.

Моя маленькая тюрьма начала опускаться, и когда мужчина, по которому несложно было вычислить хозяина этого заведения, предложил мне выйти из клетки с просьбой пройти в ВИП-ложу, я почему-то даже не удивилась. Еще раз посмотрела на охранника – вот от кого точно нужно держаться подальше. Спрашиваю, что от меня требуется, понимая, что ко мне подошли неспроста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.